

HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Воспитание: патриотизм, дружба народов, веротерпимость
Author(s)	Никандров, Н. Д.
Citation	北海道大學教育學部紀要, 80, 13-18
Issue Date	2000-03
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/29603
Type	departmental bulletin paper
File Information	80_P13-18.pdf

Воспитание: патриотизм, дружба народов, веротерпимость

Н. Д. Никандров

ABSTRACT *Nikolai D. NIKANDROV, Upbringing: Patriotism, Peoples' Friendship and Religious Tolerance.*

The 1990s was a period of destruction and unprecedented spiritual crisis in post communist Russia. This paper argues that the revival of such values as patriotism, peoples' friendship and religious tolerance traditionally, although problematically incorporated within Russian upbringing culture is an urgent task on the social and educational agenda of the society, which is, nowadays, differs from that it was 10 years ago.

[要旨] ニコライ・ニカンドロフ, 教育: 愛国心と民族友好と宗教的寛容。

1990年代は共産党政権後ロシアにおける破壊及び空前の精神的危機の時代であった。本稿は、愛国心、諸民族の友好、宗教的寛容という、議論の余地はあるが伝統的にロシアの教養文化に含まれていた価値観が、現在は10年前とは異なる意味で、社会的論点および教育上の論点として社会の緊急課題であることを論じる。

Осенью 1999 года на одной из коллегий Министерства образования России была принята Программа развития воспитания в системе образования. Это событие, которое в современной российской терминологии можно назвать ведомственным, т.е. принятым в рамках одного министерства (ведомства), не привлекло к себе особого внимания. Вместе с тем оно весьма примечательно, так как отражает очень значимое изменение в отношении и общества, и министерства образования к воспитанию.

Всем россиянам памятно, как в первые годы независимой России патриотизм как — то вдруг стал ругательным словом, почти равнозначным национализму и даже фашизму. Это было тогда же, когда — и тоже как бы “вдруг” — стали говорить о том, что в школе не надо воспитывать, надо только обучать, что воспитание — это насилие над личностью. Приводились и исторические параллели, вспоминали — для большей убедительности — Л.Н.Толстого, у которого были подобные мысли о несовместимости воспитания и свободы.

Истинные причины такого подхода были понятны. Воспитание было коммунистическим, патриотизм был советским, и многим хотелось как можно быстрее уйти от всего коммунистического и советского. Расхожими словами стали “слом”, “сломать”, “разрушить”, т.е., по сути, была сделана ставка на то, что сначала нужно разрушить до основания весь старый — советский, коммунистический — мир, а на его руинах строить новый. Картина 1990 — х повторяла более раннюю, когда тоже разрушали до основания. Во всем — в системе хозяйствования, в политике, в культуре и — нам это сейчас особенно важно — в духовной

жизни.

Дойти до руин оказалось удивительно просто: давно замечено, что ломать — не строить. Но ведь все это основывалось на двух очень простых и совершенно неверных предположениях. Первая неверная посылка — в коммунистическое, точнее советское, время все было плохо. Во — вторых, то время рассматривалось как бы замкнутым в себе: от докоммунистического времени, от всей тысячелетней истории России ничего не осталось, нечего и беречь, надо только кое — что возродить. В то же время Россия не началась в 1917 году, и хотя в том году и позднее многое, действительно, было разрушено, в каком — то смысле прервалась связь времен, тысячелетняя история российской государственности и духовности отнюдь не была перечеркнута. Да и все, что было в советское время, разумеется, нельзя изображать только черной краской.

Прошло 9 лет независимого развития России. За эти годы мы потеряли более 60% нашего хозяйственного потенциала, большинство народа живет в бедности. Но для нашей темы сейчас важно другое. Было устранено воспитание как задача образования, фактически разрушены детские и юношеские организации. Они были предельно политизированы, но отнюдь не занимались только коммунистической пропагандой, а воспитывали и любовь к своей стране, и навыки человеческого общежития, и культурные ценности, хотя и односторонне подаваемые. И все это привело к ломке и разрушению привычной системы ценностей, соответственно, к небывалому духовному кризису.

В России такое случается не впервые. Когда сейчас мы, наконец, вновь не в уничижительном, а в положительном смысле говорим о патриотизме, когда такие речи звучат и при обсуждении планов Правительства, и в Государственной думе, — и это радует, — я вспоминаю слова, которые произносил тоже в Государственной думе 85 лет назад министр просвещения граф П.Н.Игнатьев, размышляя о причинах поражений российской армии в первой мировой войне. По его мнению, во многом они объяснялись тем “отрицательным отношением ко всему русскому, которое в течение двух столетий внедрялось в сознание русского интеллигентного человека, в котором с первых дней его существования всеми способами вырабатывалось постепенное убеждение в том, что все чужое, иностранное достойно подражания... Естественные и роковые последствия такого воспитания выразились в отсутствии веры в собственные силы, обидно пренебрежительное отношение к русскому языку, русской природе, русской культуре...и недостаточно развитом чувстве патриотизма” (Цитируется по: Образование, 1996, с. 174).

Игнатьев имел в виду то, что русская школа того времени имела слишком много заемного, чуждого ей. В частности, многое было взято из опыта — во многом положительного и интересного — немецкой школы. Но она предназначалась для воспитания немца — патриота. Все ли это годилось для воспитания патриота — россиянина? Для министра просвещения это был сугубо риторический вопрос — нет, не все.

В те же годы обсуждались вопросы реформы школы. Как и сейчас, люди опасались реформ, они и тогда казались чересчур частыми и непродуманными. Но среди тех недостатков, которые все же отмечались как требующие исправления, были ? недостаточное число уроков по

русскому языку, литературе и истории, т.е. тем предметам, которые делают основной вклад в воспитание гражданина и патриота. Уверен, что и сейчас воспитание патриотизма ? необходимая часть общей системы воспитания.

Второй момент, который сейчас весьма важен в России ? веротерпимость. Согласно статье 14 российской Конституции, мы — светское государство, причем никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Я вполне законопослушный человек. Вместе с тем у меня вызывает сомнение то толкование Конституции, по которому из светскости нашего государства выводятся ограничения на религиозное воспитание в школе, в других государственных учебных заведениях. Ведь есть и другая статья — 28 о свободе совести. Она настолько важна, что процитирую ее полностью: “Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними”. Есть ли между этими статьями противоречия? Если отвлечься от деталей и крючкотворства, то я их не вижу. Первая статья запрещает обязательность и государственный характер религии, вторая разрешает ее свободно выбирать и распространять. При этом не наложено никаких ограничений по месту, времени или должности человека. Соответственно, это может делать учитель в государственной школе и на занятиях. Наконец, есть статья 29 о свободе информации, в которой говорится о праве свободно искать, получать, производить и распространять информацию любым законным способом, о свободе средств массовой информации и о запрещении цензуры. И у меня возникает вопрос: почему в России так усердно придерживаются именно этой последней статьи, например, когда речь идет об антихудожественном примитиве, о насилии и порнографии, чем заполнены наши теле — и киноэкраны, но забываем, что эта же статья позволяет хранить и распространять любую информацию, в том числе, конечно, религиозную, которая в своем нравственном посыле принесет только благо. В статье о свободе информации есть, правда, ограничение, касающееся религии, но, полагаю, оно вполне правильно. Речь идет о запрете на пропаганду религиозной нетерпимости или религиозного превосходства. И даже если я считаю “своей” религией православное христианство, думаю, найду такие слова и мысли в разговоре на религиозные темы, чтобы они не содержали пропаганды нетерпимости или превосходства.

Надо отдавать себе отчет в том, что Россия — страна многих религий. Не будем даже делать акцент на том, что русские, как принято сейчас говорить, — “титильная” нация, что большинство верующих в России — православные христиане, хотя это и очень важно. Важно другое — в основных своих положениях нравственные идеи Нового Завета близко перекликаются с тем, что было в древних добиблейских религиях, что было и после в нехристианских священных книгах. Только два примера. В Коране, который на столетия младше и Ветхого, и Нового завета, сказано так: “Аллах любит тех, кто делает добро; Аллах с теми, кто терпеливо сносит (трудности); не делай зла другим и тебе не сделают зла; если творишь добро, творишь добро для своей собственной души; если творишь зло, делаешь это самому

себе". А еще много, много раньше, в древнеегипетской "Книге мертвых" сказано так: "Я делал то, чем довольны боги; я удовлетворил бога тем, что он желает; я давал хлеб бедным, воду жаждущим, одежду нагим, переправу тому, кто не имеет лодки". Набор примеров можно было бы и расширить, поскольку подобные общечеловеческие ценности легко найти и в буддизме, и в конфуцианстве, и в синтоизме. Сейчас, во времена, можно сказать, религиозного возрождения в России воспитание умения терпимо и дружелюбно относиться к религиозным убеждениям людей как никогда важно.

Еще одна проблемная область в воспитании — дружба народов. Для многих самых молодых россиян это понятие уже либо вообще неизвестно, либо является чем — то близким к юмору. Практика, как мы знаем, нередко совсем иная. Но отнюдь не потому, что устарела идея, устарело понятие дружбы народов и соответствующая цель воспитания. И нам нужно сейчас найти и слова, и методы для того, чтобы эта цель не только провозглашалась, но и реально достигалась.

Нам всем так не хватает сейчас мира, прежде всего, как мы бы сейчас сказали, социального мира и согласия. Этот призыв нетак легко принять. В нашей сегодняшней, непростой для всех, такой трудной и тяжелой для очень многих жизни иногда говорят: о каком мире может идти речь? Призывать сейчас к социальному миру — значит призывать ограбленных примириться с грабителями! И говорящие так не совсем неправы. Достаточно вспомнить сотни мошеннических предприятий типа денежных пирамид, на которых многие потеряли последнее, а очень немногие колоссально обогатились, достаточно вспомнить, что — не важно, по какой причине — многие работники месяцами не получают зарплату, как правило, нищенскую. Но — поставим вопрос в иной плоскости: а какова альтернатива, если использовать еще одно модное сейчас слово? Альтернатива миру — это взаимное недоверие, вражда, ненависть и кровь. Причем, возможно, большая кровь большой войны, очаги которой, к сожалению, полыхают. И если поставить вопрос так, то становится понятным, что разумной альтернативы миру, действительно, нет.

Идеи патриотизма разделяли известные российские педагоги. Так, К.Д.Ушинский писал об этом почти во всех своих трудах, даже тех, в которых хвалил и предлагал использовать идеи и практику западного образования. Особо хочу выделить его статью 1860 года "О нравственном элементе в русском воспитании". В ней Ушинский говорил о патриотизме и народности как основах воспитания. Причем он видел патриотизм не только в том, что проявляется на поле брани: "высказать смелое слово истины бывает иногда гораздо опаснее, чем подставить лоб под вражескую пулю, которая авось пролетит и мимо" (Ушинский, 1948, с.474). Но этот же патриотизм помогал Ушинскому четко разграничивать слово правды и всемерно подчеркиваемое, прямо — таки надсадное желание чернить родную страну, ее историю, ее обычаи. Он с неодобрением говорит о тех, кто считает, что в истории нашей "все достойно насмешки и презрения", о тех — опять — таки вспомним его время, — кто "с наслаждением развенчивает Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковского, Гоголя". И добавляет: "Если бы английский, немецкий или французский педагог подметил в ком — нибудь из нас такое направление, то он, без сомнения, взглянул бы на нас с глубочайшим удивлением как на безумцев, не

имеющих ни малейшего понятия ни о душе человеческой, ни о нравственном достоинстве ее, ни о воспитании. Нет, это не значит воспитывать душу, а скорее разрушать ее;...это не образование, а дикость, вандализм, потому что только варварам свойственно не иметь истории” (там же, с. 475). Это — 1860 — й год. Но вот я читаю английскую статью 1995 года. Авторы удивляются, как мы быстро и в идеологии, и в педагогической мысли перешли от коллективизма к индивидуализму, потеряв при этом реальную связь между личностью и обществом (Н. Daniels et al., 1995, с.38).

История, конечно, все ставит на свои места. Ведь набор имен у Ушинского не случаен: в его время, действительно, некоторые “развенчивали” и Жуковского, и Пушкина, и Гоголя. Сейчас этого не делают. Но развенчивают и критикуют другие стороны нашей истории и современности, другие имена — с теми же пос — ледствиями для воспитания народа. А ведь можно даже и не раз — венчивать — просто дать людям забыть своих национальных геро — ев. Если русский философ И.А.Ильин, касаясь проблем воспита — ния, настаивал на том, что с пяти — шести лет ребенок должен знать своих национальных героев, влюбиться в них (Ильин, 1994, с.412), то вспомним наши телепередачи последних лет: каких национальных героев мы в них найдем, в кого влюбятся наши дети? Скорее в антигероев и многочисленных героев западных боевиков, а выражение “страна должна знать своих героев” употребляется в наше время чаще всего в ироническом смысле. Еще один пример, который по телевидению наблюдала вся Россия. В ден рождения В.И.Ленина в маленьком сибирском городе Березовске (как, впрочем, во многих других городах страны) проводился опрос среди детей, что они знают о Ленине. Мальчику лет десяти у памятника Ленину задали этот вопрос. Подумав, мальчик ответил, что Ленин был президентом. На вопрос ? президентом чего был дан потрясающий ответ:«Города Березовска!». Дело ведь не в оценке жизни и дел Ленина. Дело в том, что за годы независимой России предпринята небезуспешная попытка заставить выборочно забыть нашу историю. Но успех этот сомнителен в своих воспитательных последствиях. Такая искусственно воспитанная «забывчивость» не способствует воспитанию патриотизма, уважения к своей истории и народу. В своей интересной книге К.И.Салимова на примере Японии показывает совершенно иной, действительно правильный и эффективный подход (Салимова, 1993). Но можно вспомнить и более раннюю работу. В 1967 году, изучая проблему «японского чуда», Дж.Гасфилд сделал вывод, что опора на традиционные ценности укрепляет дух народа, никак не мешая движению вперед и усвоению самых новых подходов.

Сейчас настроение общества иное, чем было в начале 1990 — х годов. Полагаю, что это является хорошей предпосылкой иного отношения и к воспитанию, и к нашим традиционным ценностям.

Литература

Образование: идеалы и ценности (историко — теоретический аспект): Учебное пособие // Под ред.З.И.Равкина. Москва: Институт теории образования и педагогики РАО, 1996.

Салимова К.И. Восхождение к успеху (Воспитание в Японии: история и современность).— М.: Международная академия самосовершенствования, 1993.— 236 с.

Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании (1948). Собрание сочинений в 11 томах. — Том 2. — С.425—488.

Daniels H. et al. (1995) Humanisation in Russian education: a transition between state determinism and individualism // Educational studies.— 1995.— V. 21/— P. 29—39.

Gusfield J.R. Tradition and modernity: misplaced polarities in the study of social change // American journal of sociology.— 1967.— V/ 74.— P.351—362.